

Москаленко Л. Б.

МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК: СВОЙСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Формирование дефиниции «массовый человек» определено постмодернистским духом современной культуры, с характерным для нее способом оценки и истолкования действительности. Постмодерн специфически мозаичен, он не является пространством шедевров, неким культурным материком, образованным из достижений искусства прошлых эпох и имеющим определенные линии развития и преемственности. Постмодерн есть смешение, подобие взвеси, где невозможно выделить ни приоритетов, ни общих линий, ни идей, возникает соединение вещей не просто несовместимых, но как бы исходно разноместных, гетеротопных, по выражению французского философа и культуролога М. Фуко. Под гетеротопными вещами М. Фуко понимает такие, которые невозможно представить совместно пребывающими где-либо [1]. Реализация всего того, что не нашло воплощения на прежних этапах развития культуры, как бы отдельные островки, образующие достаточно случайные причудливые скопления, лишённые и центра, и вершин, и есть постмодернизм.

Постмодернистская культура с ее всесторонним эклектизмом является, с одной стороны, хаосом, в котором принципиально смешаны ценности и ориентиры, нет центрирующей, связующей картину мира оси, а с другой – организованным хаосом, ибо в определенном состоянии его поддерживает некая организующая и воспроизводящая сила, она его создает и управляет его внутренним движением.

Прежде подобную управляющую систему называли элитой, однако сегодня ее роль, задачи и даже состав претерпели изменения, представления о гармонизированном единстве отношений «элита – масса» ушли в прошлое. В современном контексте утрачивается прежняя функция элиты – быть заказчиком, создателем и носителем высокой культуры. Элита, о которой писал Х. Ортега-и-Гассет, существовала как оппозиция массе, находилась на более высоком уровне стратификации, духовно-культурной жизнедеятельности. Элитарная (высокая) культура, создаваемая элитой, отличается от других пластов пространства культуры функцией социального маркирования культурного потребления. В развитом индустриальном рыночном обществе существует потребность индивида в самоидентификации и репрезентации. Функция социального маркирования становится для культурного потребителя социально ориентирующей, поскольку традиционные способы самоидентификации не срабатывают, или не эффективны (этнические, кастовые, сословные и т. д.). Различия между элитарным и «иным» не заданы раз и навсегда, а воспроизводятся и создаются заново ежедневно. Элитарная культура есть субкультура, страта в пространстве культуры, характеризующаяся принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Элита – высший слой социальной структуры общества, осуществляющий важные социальные и культурные функции, решающий проблемы первостепенной важности в пространстве культуры. Элита всегда считала себя призванной способствовать повышению культурного уровня народных масс, создавала программы формирования всесторонне развитой личности, являла собой образцы культурной деятельности, пропагандировала и поддерживала высокое искусство.

Современная элита противостоит массе не в культурном отношении, а лишь в обладании властью. «Масса» - понятие не только количественное, оно означает изменение качества общественной и культурной жизни, сформировался, по выражению Х. Ортега-и-Гассета, «феномен стадности», проявляющийся в полном захватывании массами интеллектуальной, экономической, нравственной, художественной жизни. Сама многочисленность людей стала признаком цивилизации XX-XXI столетий.

«Солистов больше нет, есть один хор» [2]. Нынешняя элита не может служить образцом в культурном отношении, и не испытывает чувства ответственности перед народом. Буржуазные отношения с их принципом всеобщего равенства перед деньгами привели в элиту того же массового человека, но более успешного, более активного и удачливого, нежели остальные. Сегодняшняя элита по своему мышлению представляет группу массовых людей, но оказавшихся в силу ряда причин в составе некой управляющей группы, состоящей из политиков, финансистов, менеджеров самого разного профиля и уровня, а также руководителей различных форм масс-медиа, которые одновременно и входят в эту управляющую группу, и сами наняты ее верхушкой для обслуживания ее интересов. Если раньше масса по отношению к элите выступала как опекаемая ею, то теперь – только как управляемая. Новая элита сама заинтересована в ухудшении «качества» людей, ибо толпой легче управлять. Утрачивается функция прежней элиты – быть создателем тех высоких стандартов, к которым «подтягивалось» бы общество.

Масса заполняет пространство культуры, стремится упразднить меньшинство (элиту), навязывает свои эталоны жизни, чаяния, вкусы, она приобретает тот жизненный уровень, который прежде был доступен лишь избранным. Приоритет «человека вообще», без особых примет и отличий, превратился в массовое мироощущение. В материальной жизни многое изменилось к лучшему, создано новое жизненное пространство для существования человека, что внушает человеку мысль о том, что в будущем жизнь станет еще богаче и совершеннее. Все эти обстоятельства наложили отпечаток на массового человека.

Дефиниция «массовый человек» пришла на смену дефиниции «человек массы». Если человек массы у исследователей первой половины XX столетия представляет определенную социальную общность, то массовый человек определяется мироощущением, образом мыслей, стилем жизни. Массовый человек – не человек из массы, но человек с массовым сознанием. Массовый человек стал реальностью современного информационного общества, он и продукт этого общества, но одновременно и условие его существования. Массовое сознание определяется специфическими механизмами детерминации, имеет устойчивые внутренние компоненты (общие установки, ценности, ориентации, мотивы) и внешние, подвижные проявления в

виде массовых настроений, отражающих изменчивую динамику состояния массового сознания. Массовые настроения оказываются механизмом, обеспечивающим политико-психологическую интеграцию.

Говоря о массовом сознании, следует отметить его размытость у массового человека. Информационное общество сопровождается массивфикацией, то есть процессом становления и развития массового человека, отличающегося от человека доинформационной эпохи мышлением, подстраиванием сознания личности под парадигмы, востребованные в данном социуме. В то время, как массивфикация – процесс перестройки сознания, духовно-ценностная «мимикрия» человека, омассовление указывает на процесс количественно-онтологического образования массы. Процессы урбанизации ускоряли омассовление форм жизни, так как сужение производственных функций работников, потеря содержательных моментов процесса производства ведут к обеднению ума и чувств, лишают инициативы, превращают человека в придаток машины.

Стремительная урбанизация обезличивает человека, делает автономным, имеет место тенденция к приспособлению, обезличению человека, он становится «как все». Вместо «как все» можно применить выражение М. Хайдеггера «бытие-с-другими», превращающееся в принудительную реальность «заразительность» психических состояний (настроений, переживаний, оценок) [3].

Феномен массивфикации захватывает сферу духовного потребления, быта, досуга, производства. Массовизация породила массовых людей как новую разновидность человека. В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» знаменателен «маленький человек», в котором отчетливо просматривается агрессивность мелкой и тупой жизни [4]. Подобного типа люди способны на любой невразумительный и даже жестокий поступок. В рассказе А. М. Горького о таком человеке сказано: «Дремлет человек...И никто не будит его. Дремлет он – превращается в животное. Бич ему нужен и огненная ласка любви, вслед за ударом бича». Современная литература не любит массового человека: рассказы Л. Петрушевской (на грани тихой ненависти к такому человеку), произведения раннего В. Пелевина, циничные повествования Э. Лимонова, юродство В. Ерофеева. Скептическая, нигилистическая современная литература начала сомневаться в благородстве души человека, в его способности любить мир и людей. Массовая культура и массовый человек нашли друг друга.

Французский философ Ж. Делез полагает, что постмодернистская культура является «культурой поверхности». Она цитирует, пародирует, перетолковывает культурные достижения прошлых времен, она не умеет ни дифференцировать, ни синтезировать новый смысл. Массовый человек главной жизненной функцией видит принципиальное и радикальное потребительство, он способен осваивать пространство вширь, по поверхности, утратил истинные импульсы подлинного развития, импульсы внутренние, глубинные [5]. На фоне процессов омассовления рождаются толпы, состоящие из людей-атомов, где каждый один и сам по себе, но во всем подобен другим. Личность представляет собой системное, целостное образование, не сводимое к какой-либо одной стороне проявления человека. Массовая культура фрагментирует личность, лишает целостности, сужает ее ограниченным набором стереотипных проявлений. Одновременно с процессом омассовления идет распадение человеческой общности, общность может основываться на взаимодействии личностей, не на их изоляции.

О разрушительной силе индивидуализма еще в XIX веке писал В. С. Соловьев: «Чрезмерное развитие индивидуализма в современном западе ведет к своему противоположному – к всеобщему обезличению и опошлению. Крайняя напряженность личного сознания, не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который всех уравнивает» [6., С. 25].

Индивидуализм без индивидуальности предстает в обычном его выражении как массовая мещанская психология. Массовая культура – не культура для масс и не культура масс, ими творимая и потребляемая, это та часть культуры, которая создается, но не творится массами по заказу, и под давлением сил, господствующих в экономике, идеологии, политике, сфере правовых, нравственных отношений. В нашей статье речь идет об историческом феномене «массовая культура», сложившемся в эпоху индустриализации и особенно расширившемся в период информационных технологий. И массовый человек внутри этой культуры – не есть человек из массы, а человек с массовым сознанием, главной характеристикой которого является то, что он – «как все». Он возникает в результате процесса омассовления, процесса количественного, означющего увеличение численности тех, кто образует более или менее однородную социальную массу, а также процесс становления массового характера того или иного явления. Массивфикация общества закрепляет низкий уровень однообразия, что ведет к обеднению содержания и деградации форм культуры. Рост социальной и культурной энтропии, нивелирующей все проявления духовной жизни, повышает непредсказуемость возможных процессов изменения общества, которые могут пройти в неожиданных направлениях и затронуть жизненно важные его опоры.

Взятое все вместе это означает ослабление общих экзистенциальных перспектив развития общества. Характеризуя массового человека, некоторые исследователи (французский психолог С. Московичи) говорят не о массовом человеке, но о человеке толпы, ставя между ними знак равенства [7, С. 248]. Это не совсем верно: толпа – скопление разнородных атомизированных индивидов, связанных с действием на них силы, внешней по отношению к ним, стремящейся организовать их по-своему, сделать управляемыми. Масса традиционно понимается как объединение людей по тому или иному признаку, она способна к самоорганизации и деятельности в соответствии с осознанием своих собственных интересов. Массовый человек существовал всегда, как и различные формы массовой культуры, но в обществе, ориентированном на традиционную систему ценностей, массовый человек был встроены в определенную социальную «иерархию статусов» - социальную и культурную. Доинформационное общество никогда не равнялось на вкусы и настроения массового человека, но считало необходимым смягчать и адаптировать культурно не артикулированные формы проявления этих вкусов.

К характерным чертам современной массивфицированной личности следует отнести:

- социальную дезориентированность относительно ценностей и приоритетов (цель и смысл жизни, жизненный идеал). Одновременное распространение противоречивых и даже взаимоисключающих суждений приводит к психической неустойчивости, провоцирует нескритичность, внушаемость;
- пониженную способность к рассуждению, склонность к неаргументированному и необоснованному анализу, принятие легковесно-бездоказательных утверждений;
- безответственность и отказ от принятия самостоятельных решений;
- сентиментальность, но не чувствительность к чужой боли;
- эгоистичность, равнодушие к чужому мнению, достоинству, а, может быть, даже и к жизни другого человека;
- специфический тип восприятия культуры, порождаемый опытом жизни (подмена духовно-смысловой значимости зрелищно-техническим совершенством);
- самым большим мысленным усилием для массового человека становится выбор между уже сформулированными точками зрения, отличающимися друг от друга несущественными деталями;
- нивелирование собственного художественного вкуса;
- складывание плоскостного восприятия, сформированного экранной (а не книжной) культурой.

Психологи отмечают снижение способности к концентрации, следовательно, снижаются умение и способность внимания к сосредоточению, разрушается основа, на которой возможно формирование глубоких устойчивых чувств, способности сопереживания. Замену идеалов и ценностей стандартами и модой можно рассматривать как следствие разрушения способности к долговременному, перспективному построению мыслительно-образных программ, что приводит к упрощенному, вульгаризированному взгляду на действительность. Массовый человек отличается меньшей степенью подавления бессознательного, так как массовая культура обращается к «подпольным» пластам психики, находящимся вне постоянного контроля сознания. У массового человека легко высвобождаются инстинкты, ослаблены моральные запреты, этот человек предпочитает иллюзии – действительности, правда безразлична, если она ему неудобна.

Условно все характеристики массового человека можно разделить на: социальные, культурные, психологические (на самом деле они взаимно определяют друг друга). Бессвязность мышления и фрагментарность картины мира позволяют навязать массовому человеку нужную систему мифов, в известной степени, массового человека можно назвать зомбированным существом, сознание которого насковзь структурировано. Возникает невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, которыми определяется поведение. Э. Фромм в написанной в 1923 г. работе «Психоанализ и социология» обратил внимание на подход к человеку как к среднестатистической единице, сегодня это стало реальностью. Из выделенных Э. Фроммом четырех непродуктивных типов характера (пассивный, эксплуататорский, накопительский, рыночный) в массовом человеке соединены два: рыночный и пассивный [8]. В работе «Конец нового времени» Р. Гвардини отмечал: «Не нужно особой зоркости, чтобы увидеть сколько неповторимого должно будет погибнуть, если определяющей формой человека станет не высокоразвитый индивид, а множество похожих друг на друга человеческих единиц» [9, с. 269]. Названный Г. Маркузе одномерным, массовый человек выступает не столько единицей измерения массы, сколько качественной характеристикой новой разновидности социального человека с одномерной мыслью и одномерным поведением [10]. Маскультовский супермен не является сверхчеловеком Ф. Ницше, Богочеловеком философов-идеалистов, он просто не человек вообще. Ницшеанский герой здесь свергнут на примитивный уровень и плоско понят. Деромантизация и дегероизация утверждают антигуманность в отношениях и представлениях людей друг о друге. Дегероизация не столь безобидна, как это может показаться, она опирается на скрытую нигилистическую мысль относительно природы и сущности человека. По словам религиозного философа С. Н. Булгакова, эстетика массовой культуры – это эстетика парикмахерской. Именно эстетическое неприятие массовой культуры выступает главным доводом против всего феномена в целом. Феномены как массовой культуры, так и массового человека обладают определенной новизной в силу целого ряда причин, которые в своей совокупности никогда прежде не выступали. Современное общество организовано как принципиально плюралистическое и ориентированно на бесценность.

Французский философ-постмодернист Ж.-Ф. Лиотар пишет о произошедшей «вселенской реабилитации посредственности». Новый тип связанности общества, особый способ объединения людей, качество социальных связей приводит к утверждению особой разновидности социального человека. С одной стороны, массовый человек легко управляем, и в то же время, склонен к тирании. Поэтому, массовый человек не столь одномерен, как принято считать, и как может показаться. Мещанин-конформист в одних обстоятельствах, в других обстоятельствах превращается в волюнтариста и бунтаря. Обе эти возможности равновероятны и латентно присутствуют в истерическом характере мещанина, в критические моменты могут обнаружиться обе крайности, нарушив неустойчивое равновесие характера, а в экстремальных ситуациях – перейти в свою противоположность. Массы осуждены беспрестанно колебаться между самой бешеной анархией и самым грубым деспотизмом, их однодневные божества скоро становятся их жертвами (мнение Г. Лебона) [11, С. 65].

Из недр мещанства рождаются преступления и войны, самые сложные проблемы мещанин хочет решить простыми средствами. Формируемый и поощряемый массовым обществом, массовый человек может стать опасен для общества. Самой культуре угрожает «тирания большинства», рост численности населения и профессиональная специализация, сформировавшие массового человека, ослабили культурный консенсус и подорвали современную цивилизацию, что ведет к неустойчивости и краху культуры в целом (мнение Х.

Ортеги-и-Гассета). В отличие от Х. Ортеги-и-Гассета, акцентировавшего внимание на социальной природе массовой культуры и массового человека, английский писатель О. Хаксли рассматривал массовую культуру как эстетическое явление, вся трагедия, по его мысли, заключается в том, что массовая культура создается для масс, но не массами. Если говорить о массовой культуре как культуре коммерческой, то ее потребителем является однородная масса, а сама массовая культура шаблонна и потребляется пассивно. Но оплакивать утрату чего-то настоящего нам представляется напрасным обращением к романтической ностальгии, так как единой культуры, оказавшейся потерянной, не существовало и ранее. Массовый человек стремится все присваивать и обладать присвоенным, присвоение же есть временный акт, но, в то же время, непрерывный, так как культура существует только за счет непрерывной регулярности различных стратегий присвоения. Культура не может быть собственностью или вещью, она только способ. Обладать, значит, иметь в распоряжении, владеть, повелевать, можно предположить, что обладание трансцендентно и вне-культурно, даже антикультурно, потому что в культуре всем можно пользоваться, но ничем нельзя обладать. Резкое понижение социокультурной определенности, идейный и стилевой эклектизм, широта и «всеядность» ценностно-смысловых критериев в современной культуре – показатель не только кризиса культуры, но и ее открытости будущему, радикальным социокультурным метаморфозам в начале третьего тысячелетия. Качественно изменяется пространство потребностей, перемещаются ценностные аспекты внутри него, возникает необходимость перехода с позиции потребительской на позицию творческую. В результате изменения ценностной парадигмы потребностей может быть пересмотрена и вся стратегия отношений человека с миром в современном обществе. Весьма сложно правильно увидеть и оценить перспективу развития, определить тенденции общего процесса взаимодействия человека с миром, необходимо корректировать промежуточный результат для того, чтобы получить состояние равновесия. Наиболее неустойчивая и опасная часть массового общества находится там, где оно лишено исторически сформировавшегося гражданского «скелета» Именно такое массовое потребительское общество без гражданского «скелета» и сложилось как в России, так и в Украине. Массовый человек, как и массовая культура, является продуктом серийного производства, он – объект социального манипулирования, современный массовый человек и массовая культура обусловлены друг другом. Демократизм массовой культуры является мнимым, культура «для всех» есть безразмерность критериев. Культурным контекстом, в рамках которого протекает формирование массовой культуры, является постмодернистский дух современной культуры.

Источники и литература

1. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
2. Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. – М., 1991.
3. Михайлов А. В. Мартин Хайдеггер: Человек в мире. – М., 1990.
4. Сологуб Ф. Мелкий бес. Художественная литература. – М., 1988.
5. Делез Ж. Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. – М., 1990.
6. Соловьев В. Три силы. Соч. в 2 т. – М., 1989. – Т. 1. – С. 25.
7. Московичи С. Век толп. – М., 1998. – С. 248.
8. Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или Быть? – Киев, 1998.
9. Гвардини Р. Конец нового времени // Феномен человека. Антология. – М., 1993. – С. 269.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1995: Эрос и цивилизация – Киев, 1996.
11. Лебон Г. Психология толп. – М., 1998. – С. 65.

Рыскельдиева Л.Т.

Дж. Бентам КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Критическая деонтология Дж. Бентама [1] возникла в рамках английской аналитической традиции, на основе реабилитации здравого смысла в философии. Дух этой традиции определил атмосферу интеллектуальной свободы, повлиявшей на те «предрассудки», которые возникают в ткани взаимоотношений философии с культурой. Предшественники и соотечественники Дж. Бентама отмечали высокую степень автономии философской мысли в английской культуре: «...как бы другие нации ни соперничали с нами в поэзии, как бы они ни превосходили нас в некоторых иных изящных искусствах, все усовершенствования в области разума и философии могут исходить только из страны терпимости и свободы» - писал Д. Юм [2, с.51].

Свобода мысли в английской аналитической традиции коренится в преодолении силы влияния континентальной философской традиции, что выразилось в явных антиметафизических мотивах и осознании антисхоластических целей философской деятельности. В аналитическом противостоянии метафизике и схоластике особо следует, на наш взгляд, выделить фигуры Т. Гоббса и Д. Юма и считать именно их непосредственными предтечами учения Дж. Бентама. Его приверженность философии аналитического типа выразилась в следующих обстоятельствах.

1) Критика традиционной моральной философии.

И название, и общий смысл текста «Деонтология...» показывает, что это текст не философский, а собственно этический – судя по всему, Дж. Бентам не употреблял термин «философия» по отношению к своему труду. Философы прошлого, по большей части, не вызывают его уважения, а словосочетание «моральная философия» для него звучит так же, как и «физическая философия» в виде химических поисков философского камня или универсального средства (см.136). Ньютон, Локк, Гельвеций, Свифт, Юм (см.133,189), – это перечень имен людей, уважение к которым и влияние трудов которых заметно на страницах текстов